

Чтобы защитить человечество, выживающее в глубинах космоса, ученые после нескольких десятков поколений жестоких экспериментов над людьми наконец смогли превратить углеродную форму жизни в кремниевую.

По сравнению с хрупкими углеродными существами, кремниевые формы жизни гораздо лучше приспособлены к условиям космоса. Они обладают крепким телосложением, их физическая сила превышает силу углеродных людей в двадцать с лишним раз, а прочность и защитные свойства организма — в десятки раз. Самое важное: если кремниевый человек оказывается вне защиты звездного корабля или меха, он способен включить бескислородный режим. В этом состоянии он может временно прекратить дыхание, а прочность его кожи возрастает до предела, сравниваясь с твердостью сплавов, из которых делают космические корабли. В обычном состоянии кожа кремниевого человека уже способна выдержать пули, к которым привык Ли Синь, — ее защита превосходит любой бронежилет, а в бескислородном режиме кремниевый человек может прожить в открытом космосе около десяти часов, чего вполне достаточно, чтобы дожидаться спасателей.

Однако хозяин тела, в котором оказался Ли Синь, был представителем углеродной формы жизни. Среди сотен миллиардов жителей Империи он был единственным таким атактизмом. Когда в шестнадцать лет он проходил полное медицинское обследование, родители с ужасом обнаружили, что у этого слабого ребенка анализ спинномозговой жидкости выявил признаки атактизма: его ДНК была самой примитивной, углеродной, а не кремниевой.

Обнаружение углеродного человека среди кремниевых людей было сродни тому, как в современном обществе обнаружили бы ребенка-маугли. В глазах родителей Ли Синь, выглядевший внешне вполне обычно, был скрытым уродом. Согласно законам Империи о правах человека, бросать детей-инвалидов или детей с отклонениями запрещено, и власти следят за этим очень строго. Ли Синь мог бы попасть в приют и до конца жизни получать государственное пособие. Но его родители были военными Империи — людьми жесткими и беспощадными. Они не могли допустить, чтобы в их роду существовало столь ненормальное создание, и без колебаний выбросили Ли Синя, этого хрупкого углеродного недоноски, как бракованный товар.

Его сослали на планету Эмир, расположенную на окраине Империи — планету, о которой почти забыли, мир, пропитанный преступностью.

Слабому углеродному существу было бы трудно выжить даже в нормальном обществе, что уж говорить о планете Эмир. В глазах всех окружающих Ли Синь был обречен, и именно так его жестокие родители и избавились от него.

Когда прежний Ли Синь очнулся в незнакомом месте, имея при себе лишь запас питательной смеси на месяц, он осознал, что его бросили. Предательство родителей стало для него тяжелым ударом, но еще важнее было то, что он сам не мог смириться со своей судьбой углеродного существа — слабого, никчемного...

Тот Ли Синь покончил с собой, а его место занял другой Ли Синь — отчаявшийся музыкант. Вспомнив пережитое прежним хозяином тела, он пришел в ярость! Я сам почти тридцать лет

прожил как углеродная форма жизни, и ни разу мне в голову не приходило сводить счета с жизнью из-за своей природы!

Он оглядел себя: тело куда крепче того, что было у него прежде, одной рукой можно поднять сто килограммов. Тело жилистое, пусть на вид и худощавое, но даже если с размаху удариться головой о стену, сотрясения не будет. А эти длинные пальцы, идеально подходящие для игры на музыкальных инструментах, этот чистый голос! В таком совершенном теле кто-то умудрился покончить с собой только из-за того, что он якобы слабый и хрупкий? Это же просто бесчеловечно!

Ли Синь в гневе поклялся, что будет жить как подобает, чтобы его бывшие родители увидели: углеродные люди тоже имеют чувство собственного достоинства!

Он расправил плечи, гордо поднял голову и, сжимая в руках невесть откуда взявшуюся пипу, отправился искать работу. Тут-то и выяснилось, что прежний хозяин при самоубийстве уничтожил свой персональный терминал. Другими словами, он стал человеком без документов, а в космосе, где помимо людей существуют угрозы со стороны других антропоморфных существ, терминал — это базовое удостоверение личности. Поэтому, даже несмотря на то, что планета Эмир — место ссылки, никто не станет нанимать нелегала. Впрочем, где свет, там и тень: если есть один нелегал, значит, есть и тысячи других. Ли Синь пробрался к шахтам планеты Эмир, узнав, что там набирают черную рабочую силу. Он явился туда с гордым видом, но на собеседовании его не взяли, потому что он не смог поднять обеими руками жалкие триста килограммов.

Ли Синь:

— ...

Что значит жалкие триста килограммов? Он ведь своими руками смог поднять двести пятьдесят! Это же мировой рекорд!

Уличный музыкант (часть 2)

Проскитавшись по планете Эмир больше двадцати дней, Ли Синь, подобно своему предшественнику, с отчаянием осознал: этот кремниевый мир действительно не дает углеродным людям ни малейшего шанса на выживание!

Закончилась последняя порция питательной смеси. Это означало, что Ли Синь находится в этом мире уже месяц, и за это время он не только не заработал ни гроша, но и жил в условиях, далеких от человеческих.

Ли Синь не знал, как обстоят дела с порядком на других планетах, но на планете Эмир он

своими глазами видел пять столкновений флайеров, которые никто даже не пытался расследовать, три массовые драки с применением тяжелого оружия, на которые никто не обращал внимания, и одно убийство прямо посреди улицы, до которого тоже никому не было дела. Жизнь здесь абсолютно не защищена. Весь этот месяц Ли Синь передвигался, буквально прижимаясь к стенам, и даже тогда постоянно боялся, что в стену врежется очередной флайер.

Планета Эмир бросала вызов самому пониманию Ли Синя о беспорядке. В других местах, даже если преступность высока, преступники хотя бы стараются действовать, когда никого нет рядом. Но здесь всё делалось открыто. Разборки и убийства происходили среди бела дня. Если же убийство случалось в помещении, преступник просто выбрасывал труп за дверь. В такие моменты появлялся робот-уборщик типа G, который сметал мусор и выписывал штраф тому, кто его создал. Если штраф не удавалось получить, робот автоматически списывал средства с персонального терминала виновника. Даже если робота G разбивали, это не имело значения: в процессе уборки он уже успевал считать данные терминала того, кто портил городскую среду, и стоимость ремонта робота также списывалась с персонального счета.

Почему такой беспредел никто не пресекал? Потому что все жители планеты Эмир — это отбросы нормальных миров.

В эту эпоху отбросы — явление распространенное. Несмотря на то что Империя приняла множество законов для защиты таких детей, как Ли Синь, люди всё равно находили способы избавиться от них, а правительство, приложившее столько усилий для создания этих законов, могло лишь закрывать на это глаза.

Дело было не в жестокости родителей или отсутствии прав человека в Империи. Просто у всех жителей планеты Эмир психика была за пределами нормы, и у каждого из них присутствовали стопроцентные признаки склонности к преступлениям.

Где есть эволюция, там есть и деградация. Физическая мощь кремниевых существ намного превосходила возможности углеродных, однако их психическая стабильность была значительно ниже. Вероятность психической мутации составляла от двадцати до сорока процентов, и как бы ученые ни старались, снизить этот показатель не удавалось. Проще говоря, по крайней мере у трети нынешнего человечества были психические расстройства. Из-за физической силы кремниевых существ эти расстройства чаще всего проявлялись в виде маниакального состояния с крайне высокой агрессией. Можно сказать, что при любом сильном эмоциональном раздражителе — будь то радость, гнев, печаль или веселье — эти люди неизбежно причиняли вред окружающим.

Поскольку у подростков в период роста психическая нестабильность — явление нормальное, каждый в шестнадцать лет обязан был проходить полное обследование. Самым важным было определить, находится ли частота ментальных волн в пределах нормы. Как только она выходила за критические значения — неважно, слишком высокая или слишком низкая, — человек считался потенциальным преступником. Обычно Империя призывала семьи проявлять заботу об этих людях, но большинство родителей предпочитали бросать детей на окраинах, чтобы те не причинили вреда нормальным людям. Империя на словах не одобряла такое пренебрежение правами человека, но ради социальной стабильности смотрела на это сквозь

пальцы.

Планета Эмир называлась мусорной именно потому, что всех, кто там жил, считали человеческим мусором. Огромная численность населения Империи и высокий уровень психических мутаций означали, что таким образом были сосланы миллиарды людей. На планете Эмир проживало триста миллионов человек, а значит, таких мусорных планет должно было быть еще несколько.

Империя постоянно пыталась найти решение. Психо-ингибиторы существовали, но они помогали только тем, чья частота ментальных волн находилась в пределах нормы. У тех же, чьи показатели были за пределами, после пары десятков применений ингибитора начинались еще более страшные приступы маниакального состояния. Если не использовать лекарство, после приступа они могли прийти в себя и продолжать жить как нормальные люди, пока однажды приступ не становился неуправляемым, приводя к смерти. Но те, кто принимал ингибиторы, после первого же срыва теряли возможность восстановиться: они превращались в обезумевших зверей, калеча себя и других до самой смерти. Более того, кровавая статистика доказывала: когда ингибиторы переставали действовать, обезумевший мозг максимально раскрывал потенциал тела, высвобождая разрушительную силу, в разы превышающую обычную.

Больше всего Империю терзало то, что все эти «преступники» обладали выдающимися физическими данными. В подростковом возрасте они почти всегда были лучшими среди сверстников, любимцами судьбы. Но после шестнадцати лет, пройдя обследование, они в одночасье падали с небес в ад. Империя ежегодно теряла бесчисленное количество талантов, и если бы не огромная численность населения, человечество давно бы вымерло. Самое страшное заключалось в том, что уровень психических мутаций рос каждые сто лет. Исследования Научно-исследовательского института показывали: если так пойдет и дальше, через тысячу лет в Империи не останется нормальных людей, и человечество погибнет в безумии.

Ходили слухи, что эти мусорные планеты существуют с молчаливого согласия Империи. На каждой из них была база Научно-исследовательского института, где тайно проводили эксперименты над людьми, страдающими маниакальным состоянием. Империя закрывала глаза на изгнание детей, а планеты имели такое население именно для того, чтобы создавать огромные полигоны для экспериментов.

Но даже при наличии таких слухов родители продолжали ссылать своих шестнадцатилетних детей. Даже если они умрут или станут подопытными, остальные, нормальные люди, будут избавлены от угрозы, не так ли?

Жестокость и эгоизм человечества не менялись с ходом времени.

У Ли Синя же ментальные показатели были в полном порядке, даже до невероятного стабильны. Можно было с уверенностью сказать, что во всей Империи он был самым стабильным человеком. Это было обусловлено особенностями углеродной формы жизни. Ученые это понимали, но ради выживания в космосе они не могли вернуть кремниевых людей в углеродное состояние — если бы они это сделали, человечество вымерло бы еще быстрее.

В конце концов, у них была еще тысяча лет, чтобы найти выход, разве нет?

Ли Синя не волновали такие великие дела, как выживание человечества. Он знал лишь одно: на планете Эмир, полной обезумевших кремниевых существ, он, углеродный человек, хрупкий, как бумажная фигурка, не проживет и нескольких дней, даже если его физическая форма побьет все мировые рекорды. Если выстроить пищевую цепочку, он в ней будет на самом дне — даже мелкие животные были сильнее его.

Не только люди, но и многие другие существа с течением времени превратились в кремниевые формы. На планете Эмир было полно брошенных домашних питомцев, которые, кажется, тоже страдали маниакальным состоянием. Живя среди толпы безумцев, они стали невероятно агрессивными. Однажды Ли Синь едва не погиб от укуса морской свинки — да-да, того самого крошечного зверька, который называется свиньей, хотя по сути является грызуном. Этот комочек шерсти едва не лишил его жизни, что доказывало, насколько трудно выжить углеродному существу в этом мире. Тогда свинка откусила ему кусок мяса на плече, едва не добравшись до кости. Он был в таком отчаянии, что чуть не расплакался. Неудивительно, что прежний хозяин решил покончить с собой: мир, в котором ты не можешь справиться даже с мышью, был слишком жесток!

К счастью, среди вещей, «дарованных» родителями, была аптечка с удивительными средствами. Ли Синь сделал себе укол лекарства от травм, обработал плечо антибактериальным лучом, и страшная рана затянулась. Но таких ампул было всего три, и при нынешнем положении дел на планете он, скорее всего, погибнет раньше, чем успеет воспользоваться второй. Причина смерти могла быть любой: укусили, расцарапали, сбили или забили до смерти... В любом случае, это не будет естественной смертью.

Теперь, когда питательная смесь закончилась, а работы не было, Ли Синь ломал голову, что ему есть завтра, как вдруг на него бросилась еще одна брошенная кошка.

Даже мышь едва не стоила ему жизни, что уж говорить о кошке?

Поэтому, хоть это был всего лишь котенок, Ли Синь приготовился к серьезному бою. Он нервно схватил пипу и изо всех сил ударил ей кошку, оглушив животное. Он подхватил пипу и быстро убежал, не надеясь, что сможет повторить этот трюк, если кошка очнется.

Хотя он не знал, в чем истинное предназначение пипы, появившейся вместе с ним при перемещении в этот мир, но раз она не разбивалась, сколько бы он ею ни колотил, это был настоящий дар судьбы! В прошлый раз перед морской свинкой он выжил только благодаря защите этой пипы.

Как современный музыкант, умеющий играть только на гитаре, но не на пипе, Ли Синь мысленно похвалил себя за освоение нового навыка игры на классическом инструменте.

Он быстро добежал до подземного паркинга, где жил последний месяц, и забился в угол, тяжело дыша. Это место было относительно безопасным: даже обезумевшие животные редко

забредали туда, где много людей, а те, кто мог позволить себе припарковать флайер на парковке, явно не находились в состоянии приступа...

Паркинг был общественным местом, а флайеры здесь стоили дешево, как велосипеды. Эти штуки, не способные летать в космосе, ничего не стоили, ребенок мог купить такой, накопив карманные деньги за пару месяцев. Поэтому паркинг не охранялся, и любой мог зайти сюда отдохнуть. Для Ли Синя это было идеальное место.

Так думал не только он один. Территория планеты Эмир была огромной, но жилья катастрофически не хватало, так как здания постоянно разрушались. Строительные материалы — сверхсплавы, редкие даже в центральных городах, — стоили очень дорого, поэтому домов было мало, а людей без денег — много. Телосложение кремниевых людей позволяло им не болеть от ветра и солнца, поэтому им было всё равно, где жить: положил кровать из пространственного ящика — и дом готов.

К счастью, в пространственном ящике, который подготовили родители, у Ли Синя тоже была кровать, так что ему не приходилось ночевать на улице и терпеть презрительные взгляды других бродяг.

Успокоившись, Ли Синь заметил, что сегодня на парковке... как бы сказать, атмосфера была странная.

Был уже вечер, и многие бродяги возвращались с едой или питательной смесью, собираясь поесть перед ночной жизнью. Здесь жило около дюжины человек, и за месяц ни у кого из них не случилось психических срывов. Все жили обособленно, довольно мирно. Но сегодня паркинг лишился привычного покоя, и даже воздух был пропитан напряжением, готовым вот-вот разорваться.

Психическое безумие кремниевых людей порождало ментальные волны, влияющие на окружающих. Именно поэтому их и ссылали. Эти мутации были заразны: люди с частотой ментальных волн за пределами нормы легко поддавались влиянию, а если волна была мощной, могли заразиться даже нормальные люди. Такая цепная реакция могла привести к тысячам жертв.

Поэтому, если кто-то впадал в безумие, окружающие это чувствовали. А на планете Эмир, если ты не уходил вовремя, ты не только подвергался нападению, но и рисковал сам впасть в безумие.

Ли Синь издали видел массовые драки и чувствовал это напряжение, но то были стычки десятков людей, и их влияние на мозг не шло ни в какое сравнение с тем, что ощущалось сегодня.

Словно древний разъяренный тираннозавр шаг за шагом приближался к этому месту, и каждый его шаг отдавался в сердцах трепетом и ужасом.

И, как назло, этот страх чувствовал только Ли Синь. Остальные отдыхающие на парковке в один голос расплылись в жутких, безумных улыбках.

Ли Синь мгновенно осознал: черт возьми, массовое заражение! На всей парковке он остался единственным нормальным человеком!

Уличный музыкант (часть 3)

Как выжить углеродному человеку, который не может поднять «жалкие» триста килограммов, находясь среди десятка обезумевших кремниевых существ?

Конечно же, воспользоваться тем, что они начали драться друг с другом, и поскорее убраться отсюда!

Ли Синь смахнул пот. Он даже не успел забрать пипу и пространственный ящик, как начал потихоньку ползти вдоль стены к выходу. Хотя ему хотелось бежать со всех ног, он понимал: чтобы не привлечь внимания, лучше ползти медленно. Несмотря на то что обезумевшие кремниевые существа нападали на всех без разбора, в толпе таких же безумцев, которые тоже нападали на всё подряд, «хрупкий» углеродный человек, медленно перемещающийся, практически ничем не отличался от неодушевленного предмета. Пока кто-то другой отвлекал их внимание, они вряд ли целенаправленно нападали на неподвижный объект.

В некотором смысле Ли Синь был в безопасности. Но гнетущее, разрывающее чувство не исчезало, и этот источник ментальных волн находился прямо за пределами парковки. Ли Синь отчетливо ощущал его местоположение — не знал, связано ли это с тем, что он был углеродным человеком. Хозяин волны не двигался, просто застыл у входа. Ли Синь осторожно полз. На пути в несколько десятков метров он больше десяти раз едва не попал под флайер, и эти несколько минут показались ему вечностью.

На парковке десяток людей устроили настоящий хаос, используя флайеры весом в тысячи килограммов как оружие, убивая друг друга без жалости. Глядя, как легко они используют эти машины в качестве дубинок, Ли Синь молчал. Он, не способный поднять даже триста килограммов, наверное, был слабее новорожденного младенца.

Когда до выхода оставалось совсем чуть-чуть и забрезжил свет, глаза Ли Синя загорелись, но он продолжал двигаться медленно. Как только он собрался сделать шаг за пределы парковки, к его ногам отбросило человека, залитого кровью. Ли Синь испуганно отпрянул. Это движение привлекло внимание кремниевого существа. Тот мгновенно вскочил, бросил взгляд на Ли Синя, сменил цель и, схватив флайер, бросился в его сторону.

Ли Синь даже не успел среагировать, чтобы развернуться и побежать, но его скорость была ничтожна по сравнению со скоростью кремниевого человека. Тот схватил его, и тяжелый

флайер обрушился сверху.

Понимая, что не вырваться, Ли Синь молча закрыл глаза. Оказалось, его жизнь в космосе была такой короткой — всего месяц. Ладно, всё равно питательная смесь закончилась, и он бы просто умер от голода. Подумаешь, на два дня меньше.

Однако удара флайером не последовало. Ли Синь прождал какое-то время и обнаружил, что всё ещё жив. Он осторожно приоткрыл один глаз и увидел, что все кремниевые существа на парковке застыли в одной позе. Их взгляды были устремлены ко входу. Та самая ментальная волна, которая всё это время была неподвижна, пришла в движение!

Ли Синь следил за источником, но стоило ему моргнуть, как волна исчезла. Он не успел даже опомниться, как чья-то фигура, словно ураган, ворвалась на парковку. Ли Синь и кремниевый человек у входа приняли удар на себя. Ли Синя отшвырнуло в сторону, как мелкий камешек, а тот, что держал флайер, рухнул на землю замертво, и флайер с грохотом свалился у входа.

Никто не будет тратить все силы, чтобы пнуть маленький камешек, поэтому Ли Синь пострадал не сильно, но всё же его стошнило кровью, а в груди нестерпимо жгло. Он лежал на земле, тяжело стоная, перед глазами всё плыло. Только уши продолжали исправно работать, улавливая звуки вокруг: грохот ударов, глухие звуки кулаков, вбивающихся в плоть, скрежет сплющиваемого металла. Этот хаос заставлял голову Ли Синя раскалываться от боли.

Мучение длилось недолго. Вскоре все звуки стихли, и на парковке воцарилась тишина.

<http://bllate.org/book/21290/2158736>